

ТРАМПЛИН

МАРИЯ НЫРНОВА
Писательница, автор
романа «Залив Терпения»
(2023). Финалистка топ-100
The Blueprint, резидентка
Дома творчества «Передел-
кино».

*...И жизнь казалась ему восхитительной,
чудесной и полной высокого смысла.*

А. П. Чехов. Студент

Она возвращалась домой, когда над полями уже начал подниматься туман. Стояла середина августа, и после тяжелой жары к вечеру резко холодало. Ее загорелые ноги кусали комары и мошка. Вообще, странное лето. Она была по икрам, приплясывая от раздражения, и маленькие капельки крови разлетались по коже вокруг раздавленного комариного тельца.

Проходя сквозь поле мимо доломитового карьера, церкви и кладбища, она все оборачивалась, чтобы проверить, не идет ли кто за ней. Но там никого не было, разве что туман, все гуще и гуще над душистыми травами и кучами строительного мусора, и ей думалось, что если на нее все же смотрят, ну, например, с того конца поля, то ее уже почти не видно, и только рыжая голова, как незажженная спичка, проваливается во влажный серый коробок вечера.

Ей хотелось пройтись одной. Сейчас казалось, что если Лев возьмется ее провожать, его присутствие осядет чем-то назойливым, комариным. Вместо того чтобы смотреть на свечение простора и замечать, как на щеках выпадает роса, придется задирать голову и рассматривать его

подбородок, кадык, шею. Слушать его вместо птиц. Ей одновременно хотелось этого и не хотелось. И еще она думала о сырниках, которые бабушка всегда готовит к ужину вместо завтрака. Они получаются у нее мягкими, как сахарная вата, и тоже тают во рту. И она ужасно голодная, посыпет их, чуть подгоревшие кругляшки из теста, сахаром, и будет жевать, пока бабушка, всегда под вечер немного суетливая, будет бегать по тесной кухоньке, почти все место в которой занято русской печью, и что-то смахивать, подогревать, доставать и убирать. Из большой комнаты будет доноситься телевизор. Старая антенна ловит всего два канала – Первый и ТВЦ. А по ТВЦ вечером показывают детективы. Она смотрит их с дедушкой, и они соревнуются в угадывании убийцы. Она и сегодня будет смотреть молча и ничего никому не скажет.

Лев живет на одном конце села, а она – на другом. Поэтому от озера ему быстрее через пролесок, а ей – через поле. Там, когда они остались одни, а солнце уже опустилось за деревья, Катя, улыбаясь, сказала, что хочет прогуляться одна. Ему еще больше захотелось что-то сделать, но что – непонятно. Поэтому он ее ушпнул за ногу. Она вскрикнула, рассмеялась, потеряла ляжку и убежала, закинув за спину полотенце.

Ей как будто нравилось, что он щипается, просто потому, что его прикосновение всегда оказывалось скорее приятным, а вот после расплывались синяки, и ноги потягивало, словно они не на своем месте. Она долго ворочалась в кровати, замечая, как боль, растекаясь, переходит от одного пятна к другому. Ей представлялось, что в каждом синяке – маленькая энергетическая сущность. Они посылают друг другу сигналы и разрастаются в целую сеть боли, захватывающую ее организм, как паразит пожирает кусты, оплетая их тонкой белой вязью.

Весь день она провела на озере с подругами. На пятерых одно полотенце и бутылка теплой колы. Полотенце постелили на утоптанную траву и уселись на него краешками бедер, чтобы всем хватило места. Место, где расположились девочки, считалось укромным. Это озеро было дальше всего от деревни, берега его поросли высокими травами, которые ветер вытягивал по земле. Как влажные косы дев, они завивались в полумесяцы, сытые и святые. Путь к озеру пролегал по песчаным тропинкам сквозь негустые сосновые боры, высокое невытопанное поле, а затем по краешку глубокого карьера, заросшего лесом, от земляных стен которого постоянно откалывались куски, уволкивая за собой сосны, кусты, сигаретные окурки и осколки бутылок. Катя помнила, что лет десять назад, когда они с отцом приходили сюда гулять, он, посадив ее на плечи и крепко сжав хрупкие коленки ладонями, показывал слетевшую в карьер после бандитских разборок «Волгу». Она расщепилась, как атом, вместе с тем, кто сидел внутри нее. Катя так живо представила себе это падение, эту смерть незнакомца, что с годами уверилась, что видела ее на самом деле. Сейчас «Волги» уже не стало. Она растворилась во рту леса.

И озеро утопало в молодости, прорастая из темного торфа. Сегодня был такой день, когда всем, как думалось Кате, казалось, что скоро и неизбежно закончится что-то очень важное. Ну или не закончится, а только начнет закачиваться. И все об этом молчат – это Катя прекрасно понимала, – потому что если сказать, то все случится быстрее, все поторопится – время, солнце, конец света, мамин крик, мало ли что еще. Вслух нельзя, можно только внутри.

Недавно пацаны соорудили трамплин. Срубили большую крепкую сосну, общипали, пошкурили и сверху прибили длинную фанеру, а пустой конец вкопали в берег. Это был трамплин по памяти. Лет десять назад здесь уже был один такой, но

развалился. Наконец девочки пришли его опробовать, и Катя знала, что ей прыгать первой, как самой крутой и смелой. Теперь они сидели на полотенце в нерешительности, сплетаясь тонкими голосами в звук августовского дня. Крупнолицая скучающая Лена общипывала верхушки замятых полотенцем травинок, а Саша, подстриженная, как воробей, рассказывала, что вчера у них куры разбежались по участку и они с бабушкой загоняли их обратно. Саша ненавидела кур, но ее представляли за ними ухаживать.

- Нет, я просто не могу их видеть, особенно пехуха, – возмущалась она, механически взбалтывая бутылку колы.
- Да уже всех твои куры задолбали, и бутылку не трясси, че ты трясешь. – Ира выхватила бутылку и спрятала за спину.
- Да перестань! – Саша приподнялась и вытянула обе руки, чтобы перехватить колу, но потеряла равновесие и грохнулась на Иру, а та на Лену, и все они покатались по полотенцу, царапаясь и хохоча.

Саша стаскивала с Иры футболку, чтобы та наконец отвлеклась от бутылки, – борьба превращалась уже в дело принципа.

- Фу, ты потная! – закричал кто-то.
- Ты тоже, боже блин!
- Да купаться надо, душно!

Все стали раздеваться, и Катя стянула с себя топик и скинула резиновые тапочки.

- Я первая с трамплина, – бросила она девочкам-цыплятам, копошащимся на полотенце.
- Да кто бы сомневался... – донеслось из клубка.

Много силы было в Кате, много жизни. И ей хотелось всю эту силу свернуть в огромное полотно, прикрепить на длинную палку флагом и всегда нести его перед собой. А это значило – первой (и единственной) вскарабкиваться на сосну над обрывом по почти гладкому стволу; когда танцуешь, не думать о том, как выглядишь, а только как можно сильнее задирайте руки и ноги, да так, чтобы ногу научиться заводить за голову, а руки сплетать в колосок; батон съедать по дороге домой из магазина, смахивать крошки с губ тыльной стороной ладони и улыбаться зубами, когда на тебя замахиваются половником. Еще это значило всегда чувствовать себя чуть старше и умнее других, чуть лучше, чуть сильнее, чуть превосходнее. Катя любила это превосходство, любила победу в несуществующем соревновании, неважно, из пня пьедестал, из золота или из пластика. Теперь она ставила ногу на линию, где де-

Теперь Кате больше не нужно было глубины. Она рухнула в воду, ударившись животом и подбородком, но с открытыми глазами, чтобы видеть, как толпы лимонных от солнца пузырьков взметнутся вверх, играя с ней в догонялки. Смешав ледяную воду и согревшуюся, она вынырнула и вдохнула с визгом: «Кла-а-а-а-а-а-ас-с-с!»

рево-трамплин уходило в землю, и чувствовала, как между пальцами проскальзывают крохотные глиняные камушки. Было страшно споткнуться, и сложно держать равновесие от волнения, но она шла. Дерево казалось таким длинным. Сначала под ним была земля, затем начался склон, и вот уже темная вода, а в ней – пятна кувшинок. Но потом исчезают и кувшинки, и вот под фанерой трамплина только темная торфяная вода. Кате хочется ее выпить. Или слиться с ней. Или танцевать в ней. Кате хочется относиться к этой воде как к сестре. Она приседает, сначала легонько, чтобы передать дереву своей силы, потом резче. Сзади визжат девчонки, хохочут и подбадривают: «Давай, Катю-ю-юха-а-а-а!» Она подпрыгивает и летит, как гласные ее имени, в воду через небо, ноги, калейдоскоп деревьев, танец водорослей, успевая схватиться за ветер из неведомой стороны. В детстве Катя ныряла как можно глубже, силясь нащупать на дне источники ледяных потоков, шекочущих ноги и живот. С каждой попыткой все меньше она верила в дно и все больше – в бесконечную глубину. Хорошо, не нужно дна, дай только вечно чувствовать себя рыбой в тебе. И оно давало.

Теперь Кате больше не нужно было глубины. Она рухнула в воду, ударившись животом и подбород-

ком, но с открытыми глазами, чтобы видеть, как толпы лимонных от солнца пузырьков взметнутся вверх, играя с ней в догонялки. Смешав ледяную воду и согревшуюся, она вынырнула и вдохнула с визгом: «Кла-а-а-а-а-а-ас-с-с!»

И осмелевшие девочки побежали, царапая ноги о корешки, прыгать. Только и видно было, как сверкает битая на куски вода. Кто-то уплывал из-под трамплина в кувшинки и путался в них, демонстрируя свое бесстрашие, кто-то распластывался на берегу под водой, как делают крокодилы, глаза вверх, а руки крепко вцепились в парочку озерных мидий, превратившихся почти в камень. Катя подплыла сзади к Саше, которая барахталась среди водорослей, и мазнула ее под водой по ноге, и та – в истерике, рывками брызнула к берегу, забыв свою смелость. Лена с Ирой легли на берег животом, набрали в рот воды и плевались, звонко, как два фонтана или два кита. Катя схватила Иру за пятку и подтянула к себе.

– Давай, забирайся на спину, я тебя поподкидываю!

Ира вскарабкалась Кате на спину, пытаясь удержаться в полуневесомой позе, и ждала, пока та, на счет неведомого никому на земле «три», выпрыгнет из-под воды, выталкивая Иру высоко в воздух. И еще раз. И еще.

Подустав, Катя попятилась в глубину. «Я сплываю!», – крикнула она всем и оттолкнулась ногами от песка, разводя руками воду. *Что-то* ее встревожило. Ей казалось, это неведомое что-то должно измениться.

Кате нравилось в этом озере то, что с берега оно казалось очень большим, а на деле пересечь его можно было минут за пять. Противоположный берег зарос ряской и кувшинками, их густая полоса была для Кати границей заплыва. Она плыла немного как лягушка, потом как собачка и пару гребков брассом, проверить, как вытянутся и напрягутся все мышцы. Сзади подружки бились о воду и плескались, их голоса терялись меж соснами, а она смотрела только вперед. В рот полезла ряска, и она развернулась, глубоко нырнув. Солнце теперь светило ей в лицо, и зеленые кусочки подводных трав налипли на ресницы, от этого было ничего не видно. Она глубоко задышала, гребла все быстрее, подныривая, чтобы омыть лицо. Но сердце уже забило тяжелым стуком испуга, воздуха перестало хватать. Ледяные потоки перепутались в ногах и тянули ее вниз, как гимнастические ленты. Захлебываясь, она торопи-

лась, уходила под воду и торопилась еще больше. «Справиться с паникой, папа говорил, справиться с паникой», – повторяла она про себя. Одна нога пропала, как будто ее никогда и не было, и вторая билась об упругую воду, почти уже обессилев. «Неужели никто не видит, что я тону», – подумалось ей сначала, а потом она усилием воли, каким-то невероятным усилием, стоившим ей детства, вернула себе власть над второй ногой. Плавно и решительно она поплыла к берегу и, жмурясь, разглядела знакомый высокий силуэт, а вокруг него как бы много фей, прыгающих, смеющихся, забывших обо всем.

Катя нащупала ступнями песок, встала и умылась. Все еще почти ничего не различая, она стала выходить из воды, царапаясь о камни, но принимая эти раны без сопротивления, или не находя сил сопротивляться. «Ой, Катя... – послышалось с берега, – а тут к тебе гости». «Ага, Лев, смотри, она вот плавала у нас... пловчиха».

Лева был наголо бритый мальчик лет четырнадцати, из местных. Мать его работала в колонии для рецидивисток на окраине поселка, а отец плотничал. Они не были ни нищими, ни счастливыми, скорее просто работающими, и по выходным бухали. Лева, а с ним его братья и товарищи бездельничали, катались на велосипедах, вскрывали заброшенные избушки, пару раз дрались друг с другом, но в остальном жили спокойно и летом ходили к приезжим играть в приставку или в компьютер, это им очень нравилось. Еще пару лет назад Лева заметил девочку, из летних, с гривой, и сразу ее себе присвоил. Он, значит, лев, а она – львица. Она и вела себя соответствующе. И даже сейчас он видел, что она наступала на острые подводные камешки, а голова поднята, как у скульптуры царя Ивана Грозного. В прошлом году всю зиму он о ней думал и даже пару раз позвонил ей по домашнему телефону, но не решил, о чем говорить, поэтому все больше гордо молчал в трубку. Она как будто не понимала, что нравится ему, что его намерения очевидны и неизменны и что деваться ей некуда. «Дурочку строит» – так он это называл. Сейчас она поднималась и глядела исподлобья. В этом было даже что-то от презрения. Но он стоял неподвижно, руки засунул в карманы спортивных, чтобы лишний раз не дернуться, и тоже на нее презрительно смотрел, хотя и чувствовал какой-то тоскливый восторг.

– Ну что, Катюха, как искупалась? – спросил кто-то из девочек.

Катя попыталась ответить, но в горле у нее стояла вода. Она кивнула, показала «класс» и отвернулась.

– А к тебе вот Лев пришел. – Девочки поглядывали то в одну сторону, то в другую.

Они знали, что Катя обычно ведет себя так по-взрослому, когда приходят мальчики: улыбается им, строит глазки, иногда даже жмет пацанам руку. Больше никто из девочек на это не решался, да им никто и не протягивал рук. А теперь она была такая странная, скукожилась, как испуганная жаба, куталась в руки, терла икру левой ноги ступней, а потом совсем убежала в кусты. Лев пошел за ней, а она только буркнула что-то и махнула рукой, мол, иди отсюда.

– Че за драма у них? – Один из пацанов подошел к девичьей кучке.

– Не знаю, не знаю, не знаю... – ответили ему хором.

Все были напряжены. Здесь, в маленькой общине, чужие разлады касались каждого. Ира попыталась отвлечься, поблагодарила мальчиков за трамплин, мол, прыгать с него очень весело, и правильно, что они выбрали ствол подлиннее, ноги даже не касаются подводного песка, когда ныряешь с разбегу. Все друг другу покивали, но головы постоянно дергались, оборачивались к кустам, где пряталась Катя. Такое поведение было неподобающим – становилось неловко, любопытно и боязно. Нарушалась коллективная безмятежность.

Кате казалось, что она сейчас развалится. Легкие и горло жгло, ноги не держали, их колотило крупной частой дрожью. Она пыталась стоять, но, спрятавшись за кустами, рухнула прямо на колкий ельник. Стараясь бесшумно выплюнуть воду, засевшую где-то глубоко внутри, она стала давить себе на грудь и превратилась в тихий лесной фонтан, из таких, который видела в Петергофе, когда однажды ездила туда с родителями. Ей не хотелось признаваться, что она, такая гордая и сильная, может на ровном месте утонуть в озере. Бульк – и не было. А главное, никто не заметит. Девочки хватятся, только когда Лева не дождетя и уйдет обратно в село. Они станут искать ее и, может быть, даже подумают, что она вылезла на том берегу, залезла на сосну и сидит, осматривает владения – ее озеро, ее карьер, ее поле. Они покричат, она не откликнется. Тогда-то они запаникуют, а Катя – Катю уже будут объедать рыбы. Ее волосы-водоросли никогда не высохнут, наполнятся темнью воды, и все у нее внутри

прогоркнет, впитав озерный торф. Катя уже совсем перестанет быть Катей, когда ее хватятся.

Ей так хотелось домой. Рассказать обо всем бабушке, получить подзатыльник за то, что позволила себе утонуть, спрятаться под столом, где у нее домик – свой собственный, еще с детства. Начать читать самую глупую детскую книжку, хоть «Мойдодыра», но чтобы это было знакомо. Но как же она уйдет? Она не может просто взять и уйти. Вдруг они *догадываются*...

Лев стоял чуть поодаль и закрывал собой ее мраморную фигуру. Он понимал, что с Катей что-то случилось, и это *секрет*. Никогда еще эта яркогубая девочка не выглядела так жалко. Она напоминала мальчику его полумертвую тетку, давно не встававшую с постели. Мать ухаживала за ней, меняла подгузники, купала в ванне и часто заставляла Леву помогать. Тот сначала боялся, потом брезговал, а теперь стал ненавидеть все несовершенное, недостаточно сильное. Он сравнивал тела с лопнувшими футбольными мячами или прохудившимися бочками. Залатать можно, но на черта оно нужно, если можно достать новый и не париться. Но Катю не хотелось выкидывать. Теперь она ему принадлежала. Внутри у него не родилось никакого коварства. Он только улыбнулся и подумал: «Наконец-то».

Когда Катя очнулась, он поднял ее, вывел на берег и усадил на полотенце.

– Она устала просто, – сказал он и приобнял ее. – Долго плавала, да?

Катя теперь еще больше, чем прежде, ощущала, что тонет и что нужно выбираться. Семь любопытных глаз, ничего никогда не прощающих, рыскали по ней, ища объяснений. Как Лев щипал ее, словно откусывая от тела крохотные кусочки, так они смотрели, будто им разрешалось думать, как приготовить Катю, в чем ее замариновать, как скрутить ей руки и ноги, чтобы она уместилась на противень. Она отряхнулась и сказала, снова гордячески поднимая голову:

– Да все нормально, ребят, расслабьтесь. Хотела вас подразнить.

Этого объяснения всем хватило. Девочки снова побежали прыгать с трамплина, уволокли за собой пацанов, и даже Лев пошел купаться, а Катя осталась одна, стараясь сделать вид, что ничего не произошло. Но, сидя боком к воде, ощипывая махровый край полотенца, она чувствовала на себе частый ребристый взгляд. Лев посматривал. Он за ней следил. Поймав один из таких взглядов, Катя попыталась дать ему отпор, но от ее надмен-

ности ничего не осталось. Стакан по имени Катя был полон озерной воды и стыдливого страха.

Когда стало холодать, они засобирались. Кате обычно нравилось, что здесь они, как животные в дикой природе, обращают внимание на малейшие изменения погоды, отмечают, что полетел комар или мошка, и знают, откуда и куда дует ветер, но сейчас она не замечала, что с востока нагнало быстрых облаков, неостановимых в своей плавной поступи. Облака то закрывали солнце, то вновь обнажали его тяжелое золотое яблоко, и оттого маленькие чуткие тела то ежились и покрывались мурашками, то задыхались и потели. Горка резиновых тапок быстро уменьшалась, загорелые руки растаскивали из кучи майки и футболки – все проголодались, устали и спешили домой. Катя и Лев замыкали шествие. Она с полотенцем через плечо, а он все так же держа руки в карманах штанов. Когда они сильно отстали от группы, он вынул правую и ушипнул девочку за бок. Катя поморщилась, улыбнулась и ускорила шаг.

На развилке они расстались. Хоть Лев и настаивал, что Кате нужен проводник, она соорудила смешную рожицу, напустила на себя веселья и убежала, как уходит из-под ладони невесомый мотылек. Ее загорелые ноги кусали комары и мошка. Она била по икрам, приплясывая от раздражения, и маленькие капельки крови разлетались по коже вокруг раздавленного комариного тельца. Постоянно оборачиваясь, она наконец уверилась, что осталась одна, и свернула на узкую еле видимую тропинку, ведущую вдоль карьера. Сегодня *что-то* случилось. Она так и не поняла что. Ей не очень-то хотелось разбираться. Она смотрела вниз. Там, в глубине гигантской ямы, тянувшейся до самого горизонта, сейчас рос лес и гибли люди, а раньше лежал океан. Белая доломитовая дорога пробегала по дну карьера, как старая серебристая гадюка. Катя любила представлять, что мир обращается в свое доисторическое состояние – то есть до истории ее матери, ее матери и ее матери – всех, кого она застала в живых. Прежде них все казалось ей не бывшим, словно еще сто лет назад океан был здесь, а из-под него торчали кончики елей и сосен, и плавала кораблем та самая разбитая вдребезги «Волга». Так она шла и спотыкалась, рискуя свалиться с этой искусственно выдолбленной стены океанического минерала, кристаллизовавшегося тысячелетиями, и отдать ушедшему океану и комарам свою алую кровь. Ей ни о чем не думалось. Она впи-лась глазами в тропинку и балансировала на ней

в скользких шлепках, спеша домой и одновременно не спеша. Что она теперь будет делать? Что она теперь им всем скажет?

Катя не свалилась. Когда она дошла до кладбища, уже спустились сумерки, и могильные камни пошевеливались в такт вечернему колокольному звону, одновременно баюкающему и тревожному. Она задержалась на долю секунды у старой облупившейся оградки, а потом припустила домой.

– Катюша, наконец-то! Уже сырники вон готовы, остывать начнут! – Ладони бабушки были облеплены тестом, и она пыталась смыть его, одной рукой удерживая язычок ручного умывальника в сенях.

Вода звенела в жестяном сосуде, трещала незакрытая еще печка, бухтел очередной детектив по ТВЦ, и, совсем уже утихая, трещало масло на сковороде.

– Сейчас, Катюш, я тесто вот отмою, и помой ручки-то перед едой. А то уж накупались там, наверное, сегодня, устала ты, голодная вся, чумазая...

Бабушка все говорила и говорила, как колокол церкви, чуть тревожно, но убаюкивающе. Катя, опавшая от усталости, быстро все съела и проскользнула в маленькую комнату с одной кроватью да книжной полкой. «Наконец-то дома», – думала она, поглубже зарываясь в постельное белье, не скидывая покрывала, не расправляя пододеяльника, не снимая одежды. Как-то странно, не от холода колотилось тело. Наволочка пахла Катинными волосами, она нюхала ее и, свернувшись в бутончик, обнимала свои плечи, монотонно их поглаживая. Вот уже она стала засыпать, за окном стало совсем темно, и тихо, не слышно почти для себя самой, Катя подумала: «Хорошо... ничего... не изменилось...»

